

Григорий Данилевский. Жизнь через сто лет

Оригинал здесь: [Библиотека Михаила Яновского](#)

**"Еще никто не видел моего лица".
Древняя надпись на статуе Изиды.**

Настоящий рассказ относится к нынешнему веку, а именно, к 1868 году.

Некто Порошин, молодой человек лет двадцати пяти, шести, черноволосый, сухощавый, бледный и красивый, незадолго до времени, которого касается этот рассказ, кончил курс в московском университете, где избег тогдашних волнений молодежи, вследствие особого склада своей природы. Все его помыслы, стремления и привязанности вращались в особом, заколдованном кругу, который можно бы назвать "идеальным", в обширном значении этого слова. Он читал философов, деистов, но рядом с ними и натуралистов, – последних – для сравнения с первыми.

Жадно пробегая в газетах известия о сверхъестественных явлениях, призраках, сомнамбулистах и медиумах, он сам, впрочем, не верил в практический сомнамбулизм и медиумизм, особенно в те его проявления, которые трактуются и публично показываются шарлатанами вроде Юма, Бредифа, Следа, братьев Эдди и других фокусников этого пошиба.

Приехав в 1868 г. в Париж, для поправления своего вообще расстроенного и слабого здоровья, Порошин посещал лекции разных ученых, но не пропускал и других диковинок, в том числе фантастических вечеров, вроде сеансов Робер-Гудена и ему подобных, где показывались опыты так называемой высшей физики, явления спектров, ясновидения и прочие трансцендентальные затеи, где он наблюдал за тем, как ловкие, умные и вообще всегда весьма милые французские фокусники-шарлатаны морочат уличную, пресыщенную другими удовольствиями толпу.

Однажды Порошин сидел в зале такого физика. На сцене битла усыплена какая-то белокурая девица, читавшая запечатанные письма и диктовавшая рецепты больным из публики. Все шло хорошо, как по маслу. Щеголеватый профессор сомнамбулизма, во фраке, в белом галстуке и таких же перчатках, щебетал с кафедры перед спящею ясновидящей, сыпля именами новейших светил реальной философии и путая, по обычаю французов, Шопенгауэра с Гартманом, и Штрауса с Фейербахом. Становилось очень скучно. В зале была давка и духота. Лампы тускло освещали море голов. И в то время, когда Порошин уже хотел уезжать, одна из этих голов, в красной восточной феске, шевельнулась среди публики, и из ее уст послышался резкий голос:

– Это шарлатанство, надувательство грубого вида!

Все всполошились, оглянулись. Профессор смутился.

– Грубый обман и ложь! – повторил громко человек с красивым смуглым и умным лицом: – публика должна протестовать...

– Кто вы? – спросил хозяин вечера: – так не смущают зрителей! Если вы не верите в опыты ясновидения, зачем сюда пришли? зачем платили деньги? Можете их получить обратно...

– Шарлатанство! – твердил тот же восточный человек, очевидно армянин: – я говорю не против сомнамбулизма, а против таких обманов, какие разыгрываются здесь... Вы усыпили свою соучастницу. Она не спит, а потому такая же обманщица, извините, как вы... Но я верю в ясновидение, – я его поклонник и занимаюсь им давно...

В публике, смешанной с подставными, очевидно, наемными зрителями, соперег, поднялся невообразимый шум. Армянин в феске вскочил на стул, показал руками, что хочет говорить.

– Но я верю в могучую, беспредельно великую силу сомнамбулизма, – смело продолжал армянин ломаным французским языком, когда все затихло: – я сам владею даром усыпления... И вот доказательство...

– Вон его, за дверь! долой! кричали подставные клакеры, с красными, вспотевшими лицами.

– Пусть говорит, пусть делает опыт по-своему! – кричали другие из зрителей, толпясь к сцене.

Сконфуженный, с измятым галстуком и распоротой в давке фалдой фрака, взъерошенный маг-профессор, с своим помощником, возвратился на кафедру. Туда же дал пройти и человеку в феске.